

Что касается второго молодого господина Цзяна, то, раз репутация Гу Шэна была запятнана, Цзян Чэн, вероятно, не стал бы его удерживать. В таком случае Гу Шэн превратился бы в песчинку у его ног, которую можно было бы выбросить куда угодно.

Лю Мянью строил свои хитрые планы, но он не ожидал, что именно сам Цзян Чэн позволил распространиться слухам о том, что он содержал актёра, и даже разрешил использовать это для того, чтобы очернить Гу Шэна.

Цзян Чэн любил Гу Шэна, любил настолько, что хотел поставить на нём клеймо, чтобы объявить всему Цзинбэю, что он принадлежит ему. Цзян Чэн подсознательно испытывал отвращение к тому, что Гу Шэн стал популярным. Он хотел, чтобы Гу Шэн принадлежал только ему, чтобы он плакал и смеялся только для него, чтобы он был очарователен только в его присутствии. Он не закрывал рта тем, кто распространял слухи, потому что хотел объявить об этом.

И когда последствия этого «молчаливого согласия» предстали перед ним во всей красе, он, чёрт возьми, готов был вытащить всех, кто клеветал на Гу Шэна, и пристрелить их.

Цзян Чэн услышал эти мелкие и неприятные слухи, когда обедал у Шэнь Вэньчана.

Шэнь Яо упомянул, что старик действительно хотел сделать Цзян Чэна своим зятем. Изначально Шэнь Вэньчан, расширяя свои владения на юг Гуаньнана, столкнулся с трудностями, и поэтому он хотел сблизиться с семьёй Цзянов, опасаясь, что Цзяны воспользуются ситуацией и нанесут удар с тыла. Он попросил свою законную супругу, госпожу Линь, на полугодовом собрании упомянуть об этом матери Цзяна, госпоже Сун.

Изначально это не имело отношения к Цзян Чэну, так как он в то время находился за границей. Шэнь Вэньчан интересовался его старшим братом, зрелым и влиятельным человеком. Но, как назло, Цзян Сюй пропал без вести, и если бы его не было, то Цзян Чэн стал бы настоящим наследником семьи Цзянов. Шэнь Вэньчан явно был недоволен, но, не понимая, в чём дело, решил пригласить Цзян Чэна на день рождения третьей барышни, чтобы прощупать почву.

Его приглашение, конечно, было сделано с учётом того, что власть в семье Цзянов в конечном итоге перейдёт к этому молодому человеку, чей характер был куда более вспыльчивым, чем у его старшего брата. Он также подумал о возможности женитьбы на Шэнь Янь и слышал о том, что Цзян Чэн развлекался с актёром, наводя шум по всему городу. Но, как милитарист, имеющий тринадцать наложниц, он прекрасно понимал, что, пока законная супруга из влиятельной семьи, внешние соблазны, как бы они ни были популярны, не смогут поднять бунт. Поэтому он не придавал этому большого значения.

Как старший, Цзян Чэн не мог отказаться, и, когда он прибыл в главный зал резиденции Шэнь, третья барышня уже сидела за столом, лишь мельком взглянув на него и тут же опустив голову.

Цзян Чэн только что звонил в поместье, но никто не ответил, и он послал человека в труппу Хунсинь, чтобы узнать, где Гу Шэн. Ему ответили, что господин Гу пошёл в дом Шэнь на представление. Цзян Чэн приказал принести программу, лежащую на столе, и просмотрел её дважды — имени Гу Шэна там не было!

Его лицо уже было очень мрачным, он бросил программу и сжал палочки для еды так сильно, что чуть не сломал их.

Внешне он был даже более красив и мужественен, чем его брат Цзян Сюй, и, если бы он расслабил выражение лица, то мог бы понравиться девушкам. Но проблема была в том, что в нём чувствовалась жестокость, воспитанная армией, и, когда он хмурился, это делало его крайне неприступным. Шэнь Янь, собравшись с духом, хотела заговорить с ним, но его взгляд заставил её вздрогнуть, и ложка упала в чашу, издав звонкий звук.

Шэнь Вэньчан заметил это движение и, остановившись с чашкой в руке, спросил:

— Что-то случилось? В армии проблемы?

— Нет... — Цзян Чэн слегка дёрнул бровью и, повернувшись, извинился. — Возможно, я ещё не адаптировался к смене часовых поясов. Я схожу в уборную.

Он встал и ушёл, а Шэнь Вэньчан не сказал ничего. Обед уже подходил к концу, и его отсутствие мало что меняло. Приглашённые для компании, такие как Сун Чжао, увидев, что всё спокойно, успокоились и начали восхвалять заслуги Шэнь Вэньчана в Гуаньнани.

Цзян Чэн вышел покурить.

Он не мог уйти сразу, так как Шэнь Вэньчан держал своё лицо, и, судя по всему, позже его позвали бы послушать представление, а затем, вероятно, сыграть в бридж. После этого ему пришлось бы прогуляться с третьей барышней, чтобы «улучшить взаимопонимание». Даже если бы Шэнь Янь, из-за приличий знатной девушки, отказалась, этот обед затянулся бы до полуночи.

Полночь, а сейчас уже почти девять вечера, и Гу Шэн всё ещё снаружи!

Цзян Чэн глубоко затянулся сигаретой, хотел закурить ещё одну, но, поискав пепельницу, вдруг заметил внизу группу людей в театральных костюмах, входящих в здание, за которыми следовал молодой человек, ещё не переодетый в костюм.

Это был Гу Шэн!

Глаза Цзян Чэна резко расширились, он убедился, что это действительно он, резко затушил сигарету и, переступая через несколько ступенек за раз, быстро спустился вниз. У дверей он схватил Гу Шэна за руку, когда тот только что вошёл.

Гу Шэн, совершенно не ожидавший этого, почувствовал, как его рука словно попала в стальные тиски, костюм упал на пол, а его голова была резко откинута назад, и он получил настойчивый, почти грабительский поцелуй.

— Чёрт... чёрт... Где ты был? Ты вышел из дома и даже не сказал мне... — Цзян Чэн снова и снова кусал мягкие губы молодого человека, затем заставил его открыть рот, чтобы принять этот жестокий и безжалостный поцелуй.

Цзян Чэн ненадолго отстранился, и Гу Шэн тут же попытался вырваться, с горькой усмешкой сказав:

— Если бы я сказал тебе, ты бы меня отпустил?

Цзян Чэн, только что переживший бурный поцелуй, был эмоционально более взволнован, чем Гу Шэн, который вынужден был терпеть это. В его голове стоял оглушительный гул, и он почти не слышал, что тот говорил. Но сопротивление Гу Шэна казалось ему невыносимым, словно

жгло его глаза. Цзян Чэн не раздумывая схватил его за запястье и толкнул к стене, расстегнул воротник его халата и полез внутрь, ощупывая нежную кожу, снова наклонившись, чтобы поцеловать его губы!

Гу Шэн не ожидал, что он осмелится так безумствовать даже у заднего входа в дом Шэнь Вэньчана. За ним должны были войти актёры для следующей сцены, и от стыда холодный пот мгновенно выступил у него по всей спине. Он изо всех сил старался уклониться от поцелуев Цзян Чэна и, задыхаясь, проговорил:

— Нет... ты не можешь здесь...

— А где тогда? — Цзян Чэн протянул руку к его спине и сильно сжал. Гу Шэн невольно тихо вскрикнул, а затем, смущённый, отвернулся. Цзян Чэн отнял руку, погладил его уже растерзанные, ярко-красные и влажные губы, любясь беспомощным и нежным видом молодого актёра, и тихо, с издёвкой, спросил:

— Не здесь... значит, дома?

Гу Шэн в ужасе поднял голову. Его взгляд, слегка испуганный и растерянный после злой игры, со слезинками на ресницах, казался невероятно притягательным и словно провоцировал на преступление. Цзян Чэн наклонился и лизнул его ресницы, заставив закрыть глаза, и прошептал:

— Ты такой красивый... Гу Шэн, чёрт возьми, ты такой красивый...

— Молодой господин Цзян! Молодой господин Цзян! Где вы? — На лестнице внезапно раздались беспорядочные шаги, и с верхнего этажа донёсся голос Е Бина. — Пошли покурить? Давайте скорее! Старик Шэнь хочет играть в бридж, нас семь человек, не хватает одного!

Цзян Чэн резко остановился, затем поправил воротник Гу Шэна и взглянул наверх.

— Цзилян! — Сун Чжао тоже крикнул, прислонившись к перилам и зажигая зажигалку. — Ладно, не прячь своего маленького актёришку, он от нас не убежит! Приводи его, сыграем вместе.

Гу Шэн явно замер и отступил на полшага, но Цзян Чэн и не думал его слушать, потащил его наверх. Проходя мимо Сун Чжао, Гу Шэн встретился с ним взглядом, а Сун Чжао лишь пожал плечами с сигаретой в руке.

Обычно после ужина в приличных семьях играли в маджонг, чтобы развлечься, но у Шэнь Вэньчана было иначе. Он был мастером бриджа, лучшим игроком в крупнейшем клубе бриджа «Синяя звезда» в Цзингуане, и после ужина часто заставлял других играть с ним. Когда Цзян Чэн, обняв Гу Шэна, поднялся наверх, тот вырвался и последовал за ним. Шэнь Вэньчан, видел он это или нет, уже звал их:

— Цзилян, Минчжан, идите, сыграем пару партий!

Цзян Чэн кивнул кому-то, и тот подвёл Гу Шэна к месту рядом с его собственным. Сам он подошёл к карточному столу и, глядя на Е Бина, который тасовал карты, спросил:

— Во что играем? Опять в бридж?

Он нахмурился и повернулся назад, сел рядом с Гу Шэном:

— Не играю! От этой игры голова болит!

[Примечание автора: (Прячу голову) Блуждаю на грани блокировки текста... о(т□т)о Я действительно серьёзный писатель (провальный).]

<http://bllate.org/book/16144/1445630>